

ПОЛЯКИ И РУССКИЕ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЗА ЧТО?»

Говоря об отношении русских к полякам и о том, как оно отразилось в русской литературе, в частности литературе второй половины XIX и начала XX в., следует, как нам представляется, избегать слишком однозначных выводов и прямолинейных оценок. Д.П. Бак, отмечая характерное для «антинигилистического» романа второй половины 60-х гг. наличие образа «поляка-крамольника», подчеркивает в то же время отсутствие антипольских ксенофобских выпадов в «польских» главах романа Николая Лескова «Некуда», который тоже принято считать антинигилистическим (это определение, впрочем, ставится Д.П. Баком под сомнение)¹.

При этом антипольские настроения в консервативных кругах русского общества после событий 1863 г. были, безусловно, сильны². Исследованию стереотипов и мифологем в русско-польских отношениях посвящено исследование М.Д. Долбилова «Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-х гг.»³. Апофеозом художественного воплощения таких настроений может служить, правда уже в более поздний период, сцена ночного кутежа в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского: поляки предстают здесь как полукомические, полуинфернальные персонажи: они мелочны, жадны, ограничены, напыщенны, такой же характер носит их «патриотизм» (ср. простодушную любовь Мити Карамазова к России и русскому богу).

На этом фоне повесть Толстого «За что?» (1906) не может не вызвать интереса у всякого, кто хочет проследить сложную художественную трансформацию русско-польских отношений. Она относится к тем поздним произведениям Толстого, в которых он выступал как последовательный «разоблачитель», критикуя государство, церковь, семейную мораль.

Основной мишенью для него становится несправедный суд, олицетворяющий одновременно и государство, и церковь, и «мораль». В этом контексте органично выглядит попытка дать картину российского государственного устройства с точки зрения, наверное, самых яростных его противников и всегдашних жертв (в том числе и жертв «неправого суда») – поляков. Данный вопрос рассматривается в статье Н.Д. Тамарченко «Польская тема в художественном творчестве Л.Н. Толстого 1900-х годов». Исследователь сопоставляет повесть «За что?» с такими произведениями позднего Толстого, как «После бала» и «Хаджи-Мурат». Н.Д. Тамарченко обращает внимание на схожие эпизоды избиения, описанные с помощью приема «острашения», подчеркивает как основной мотив противостояния власти государственному насилию, воплощающийся в двух формах – дохристианской героике и христианском отношении к судьбе и смерти⁴. Мы постараемся развить эти наблюдения, сосредоточившись главным образом на обрисовке основных героев повести.

Как известно, герои повести, ссыльный поляк Мигурский и его жена Альбина, – действительные лица, а сюжет – подлинная история их жизни. Этот сюжет был взят Толстым из книги «Сибирь и каторга» (ч. 1–3. СПб., 1891), произведшей на него сильное впечатление: «Какие люди ужасы делают! Животные не могут того делать, что правительство делает»⁵.

Итак, автор делает поляков главными героями и берет на себя задачу встать на «польскую точку зрения». Это необычно не только для русской литературы в целом, но и несколько неожиданно даже для самого Толстого. В «Войне и мире» персонажи-поляки появляются чаще в негативном контексте: это изменник Пржебышевский, масон Вилларский, реформаторы Магницкий и Чарторижский, а также случайная жена Анатоля Курагина, отец которой, заставив Анатоля жениться, взял деньги за молчание об этом браке; кроме того, на периферии романа появляются время от време-

ни «хорошенькие панны» – однако все это образы не индивидуализированные.

Тем знаменательней, что полька Альбина Ячевская в повести высвечена Толстым как характер не только вполне объемный, но и наследующий лучшие черты любимых толстовских героинь – живость, непосредственность, порывистость и чуткость этой «женщины-ребенка» с самого начала заставляют вспомнить Наташу Ростову. Во время восстания 1830 г., активным участником которого становится возлюбленный Альбины Мигурский, она живет только его интересами и даже решается тайно бежать и присоединиться к польскому войску. Ненависть к москалям, желание им погибели также вполне разделяются ею. Толстой, влагая это презрительное слово в мысли героини, столь явно ассоциирующейся у читателя с Наташей Ростовой, делает некоторый сдвиг: Наташа Ростова, как мы помним, не могла желать гибели врагам, ее патриотизм, если он был в ней, носил гораздо менее откровенный и грубый характер. Ср.: «Но она не могла молиться о попрании под ноги врагов своих, когда она за несколько минут перед этим только желала иметь их больше, чтобы любить их, молиться за них»⁶ Можно вспомнить смущение Пети Ростова при произнесении пафосной патриотической фразы: «<...> все равно я не могу ничему учиться теперь, когда... – Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-таки: – когда отечество в опасности»⁷. Таким образом, патриотизм в его официальной версии не мог в период «Войны и мира» восхищать Толстого. Тем удивительней присутствующая в рассматриваемой нами повести риторика.

Если поляки традиционно в русской литературе (и, видимо, в русском сознании) определяются как предатели (они предали славянство, «скурвились», избрав католицизм, а не православие), как мелочные, жестокие, ограниченные, хитрые «лже-аристократы», то сами себя они определяют через понятия рыцарственности, жертвенности и благородства (эти мотивы присутствуют в польской романтической поэзии). Именно эти ка-

чества подчеркивает в своих героях Толстой. Правда, это касается лишь главных героев – так, семья Альбины, подобно Вере и Соне в «Войне и мире», выступает лишь неким темным фоном, призванным подчеркнуть достоинства главной героини. Но в контексте «польскости» повести в целом это не играет существенной роли.

Итак, Мигурский, сосланный после подавления восстания в Уральск, это рыцарь и мученик. Его патриотизм – пожалуй, ни у кого из русских писателей это понятие не было столь неоднозначным, как у Толстого, – не ставится автором под сомнение, это патриотизм без кавычек. Герой бескорыстен (так, он отправляет назад присланные Альбиной деньги, прося ее не портить их «святых отношений»), он всем пожертвовал для своего народа (опять же, эти вроде бы не характерные для Толстого клише употребляются без свойственной ему в этот период злой иронии!).

Таким образом, Мигурский и правда обретает в повести черты *святого*. После свадьбы Альбина открывает в нем много «обыденного и неэтического»⁸ (с. 440), однако, описывая его (естественно, с точки зрения Альбины) как «кроткого, смиренного ягненка» (там же) с детской улыбкой и белокурой бородкой, Толстой провоцирует у читателя ассоциацию с самим Христом, которая актуализируется в связи с мотивами самопожертвования, унижения, страдания и мученичества. Заметим также, что, согласно авантюрному плану побега, Мигурский несколько дней проводит в «гробу», переживая таким образом символическую смерть, и на *третий день* выходит из него. Можно вспомнить его кроткую улыбку в присутствии сдерживающих его солдат уже после рокового провала побега.

Итак, жертвенность, имеющая высший образец во Христе, становится ключевым мотивом повести, а герой оказывается соотнесенным с самим Христом; самопожертвование, заметим, свойственно даже пожилой и комичной няне Лудвике.

Жертвенности противостоит предательство. Предателем оказывается казак-старовер, сопровождающий в Саратов полк и Мигурского в «гробу», Данило Лифанов. Его взгляд на происходящее подан Толстым с горькой иронией. Он является в повести носителем обывательского полонофобского сознания, которое, видимо, свойственно русским. «Бабы были смиренные, ласковые, хотя и полячки, а ничего худого не делали» (с. 453) – так он думает о них в начале пути. Характерно, что Толстой подчеркнул в нем черты, отчасти роднящие староверов с фарисеями: «Он твердо держался старой веры, не курил, не пил и не ел из одной посуды с мирскими и также строго держался присяги» (с. 452–453). Соотнесение мотивов предательства и фарисейства еще раз подчеркивает евангельский контекст повести. Правда, полькам в нем мерещится «добродушная ласковость» – но это можно отнести на счет их же простодушия и доверчивости, а также радостного ожидания освобождения. Вообще, добродушие отличает эпизодических русских героев повести, которых мы видим глазами Альбины, – полковница, подполковник, лоцман. Таким образом, черта проводится не между русскими и поляками, а между поляками и теми, кто им не сочувствует. Но, как нам представляется, «польскость» как понятие была важна Толстому, она не только служит неким полюсом или углом зрения, использованным Толстым для приема остранения, – это именно «польскость» с присущей ей совокупностью черт, укоренившихся в самосознании этого народа.

Совершив предательство по велению чувства долга и верности присяге, казак как будто начинает испытывать муки совести, он пьет весь день и всю ночь и, даже проснувшись в канаве, не перестает думать «о мучившем его вопросе: хорошо ли он сделал, донесся начальству о полячкином муже в ящике?» (с. 455). Как видим, это единственный герой, кроме центральных персонажей-поляков, поданный Толстым объемно, с динамикой, пусть и не приводящей его к перерождению.

Есть в повести, однако, персонаж, олицетворяющий абсолютное зло, связанное, как всегда у Толстого, с неподвижностью мысли и чувства – это император Николай I.

Заметим, что мотив движения, порыва, некоего вектора явственно присутствует в повести. Его носителем выступает Альбина: так, она планирует бежать из дома, чтобы присоединиться к восстанию, затем едет в Сибирь к Мигурскому и, наконец, инициирует побег. Ее страсть к деятельности, к движению носит характер воодушевления, вдохновения, это, в первую очередь, именно духовный порыв. Сравним с этим описание деятельности императора: «Николай Павлович делал смотры, парады, учения, ходил по маскарадам, заигрывал с масками, скакал без надобности по России из Чугуева в Новороссийск, Петербург и Москву, пугая народ и загоня лошадей» (с. 442). Когда его просили о смягчении участи ссыльных поляков, он «останавливал на чем попало свои оловянные глаза и говорил: “Пускай служат. Рано”» (с. 442). Ср. – «блестящие», оживленные глаза Альбины. Здесь мы сталкиваемся уже, естественно, с осуждающим голосом самого Толстого. Лицемерие, самодовольство, уверенность в правоте и величии, тупость и неспособность к душевным движениям – самые отрицательные черты для писателя – резко противопоставлены одухотворенности подвига поляков; бесстрастность и мертвенность – страстности и жертвенной любви. Казенный патриотизм и неправильно понятое чувство долга становятся антиподом рыцарской верности идее. Идея, как и единственная «вина» поляков, – то, что они хотят «быть тем, чем родились, – поляками» (с. 443).

Толстой, как мы уже видели, в своей страстной апологии «польскости» (в этой повести!) идет дальше, чем революционеры-демократы, сочувствовавшие польской борьбе за независимость. Даже традиционно приписываемые полякам (как, впрочем, и всем иностранцам) комические чер-

ты, демонизируемые Достоевским в «Братьях Карамазовых», Толстой показывает лишь с добродушным юмором (няня).

Польский язык, кажущийся русскому уху искажением собственного (на этом, в частности, строится комизм у Достоевского) и потому являющийся предметом насмешки, у Толстого подан без иронии. Приводя фразу «Да здравствуют поляки, гибель москалям!» по-польски, в отличие от остальной речи польских персонажей, он как будто освобождает ее от слишком грубого русского звучания (не очень естественного в устах «кроткого» Мигурского).

Можно сказать, подводя итог, что, хотя Толстой редко, особенно в раннем творчестве, пользовался черно-белой палитрой, здесь он подошел вплотную именно к такой резкой обрисовке героев и ситуации. «Польскость» соотносится, как мы видели, со святостью и даже с жертвой Христа, что делает повесть если не единственным, то самым ярким случаем «положительного» изображения поляков в русской литературе.

¹ Бак Д.П. Польша и поляки в русской литературе 1860-х годов (роман Николая Лескова «Некуда») // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 132.

² См., например: Катков М.Н. Польский вопрос. 1863 год: Собрание статей по польскому вопросу, помещенных в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». М., 1887.

³ Образ врага. М., 2005. С. 127–174

⁴ Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С.154

⁵ У Толстого. 1904–1910. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 2. М., 1979. С. 37.

⁶ Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987. Т. 5. С. 81.

⁷ Там же. С. 90

⁸ Текст произведения цитируется по изданию: Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1987. Т. 11.